

Некрасов и театр

(К 60-летию со дня смерти. 1878 — 8 января — 1938)

1.

Взаимоотношения Некрасова и театра обширны, многообразны и далеко выходят за рамки его общеизвестного отклика на смерть Асенковой. Буржуазное литературоведение не уделяло им никакого внимания. Лишь в советскую эпоху стали появляться материалы, могущие лечь в основу будущей книги на тему «Некрасов и театр». Лишь в этом году появился первый том собрания драматургических произведений Некрасова, большинство которых не было опубликовано до сих пор. Не собраны, не исследованы и не изданы театральные рецензии Некрасова, без знания которых нельзя писать историю театральной критики в России. Не исследованы до сих пор его отношения с современными ему большими актерами русской сцены — Каратыгиным, Самойловыми, Мартыновым, Щепкиным и др. А между тем, почти вся его молодость прошла под знаком театра, и он сам писал:

«Отрада юношеских лет,
Подруга идеалам,
О сцена, сцена! не поэт,
Кто не был театралом».

2.

В свои голодные молодые годы Некрасов стал водевилистом и рецензентом скорее по нужде, чем по призванию, но вскоре театр и его люди захватили его целиком, и его тогдашние театральные отклики и пьесы для бенефисов проникнуты подлинным увлечением искусством сцены. Первая же его рецензия, или, вернее, обзор, в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (1841 г., часть первая), подписанная инициалами Н. Н., резко восстает против переделок Шекспира и Шиллера, уродовавших этих классиков театра. «Удивительная смелость, — писал Некрасов, — Шиллера, признанного гением, писавшего почти в наш век, следовательно и для нашего века, у нас на Руси поправляют, укорачивают, урезают в 1841 году... Г. неизвестный переводчик! Примитесь за Коцебу, переделывайте его как хотите; или киньтесь переводить трескучие французские драмы, но, ради бога, оставьте в покое Шекспиров и Шиллеров...»

Так в первой же своей театральной статье Некрасов выступил страстным противником всех обычаев и приемов тогдашней императорской сцены и сразу же заслужил почетную ненависть «Северной пчелы» и самого Булгарина. После перехода в «Литературную газету», издававшуюся тем же Ф. Кони, Некрасов вел там отдел «Петербургские театры», и одна из его статей (1844, № 14), посвященная «патриотической» пьесе Нестора Кукольника «Боярин Васильевич Басенок», явилась актом большого гражданского мужества, так как еще у всех была в памяти расправа с Николаем Полевым и «Московским телеграфом» за отрицательную рецензию на пьесу того же Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Не смущаясь этим, Некрасов писал: «Главный недостаток драмы, которого

ни за что не простит г. Кукольнику большинство публики, заключается в том, что она чрезвычайно скучна». И тут же он издевается над булгаринскими друзьями Кукольника, которые, захлебываясь восторгом, писали: «Великий Гете! Великий Кукольник...» Напомним, что так же презирал Кукольника и его драматургическую дрянь Пушкин, знавший, кто покровительствует этому холопствующему перед Николаем I псевдописателю. Некрасов в своих театральных статьях понимал так же «очистительную» роль критики в авгиевых конюшнях булгаринской литературы, как и его друг и сотрудник Белинский. По тому времени это был не малый подвиг.

3.

Среди поэтических откликов Некрасова на театральные темы особое место занимает его совершенно исключительное по силе гневной сатиры на дирекцию императорских театров стихотворение под названием «Притча о Уиселе» (1867). Есть основание думать, что в ней выведен барон Кистер, прославившийся своими подвигами в Александринском театре. До своего назначения помощником директора императорских театров он был военным, и Некрасов так описывает его назначение:

«Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.
Чего же лучше? Свеж он чувством,
Он только удручен войной —
Итак, заправит он искусством,
Вкусная в старости покой».

В результате его «управления» театр пришел в полный упадок, и Некрасов продолжает:

«В партере явно негодуют,
Свет божий Киселю не мил,
Грустит: «Чиновники воруют
И с трупной справиться нет сил!
Вчера статуя командора
Ни с места! Только мелет вздор —
Мертвецы пьяного актера
В нее поставил режиссер!
Зато случился факт печальной —
Ушли три бронзовых коня!»
Кисель до гроба сценой правил,
Сгубил театр — хоть закрывай! —
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай».

Между прочим, «три бронзовых коня», действительно, «ушли» с Александринского фронта и оказались в саду одного из чиновников императорской дирекции. В печати эти стихи появились с заменой везде слова «царь» словом «паша», а «императорская благодать» была заменена: «И миром правящая благодать»... Но и с этой заменой стихи дошли по адресу, и над ними много смеялись артисты императорских сцен.

Замечательны такие стихи Некрасова, посвященные российскому балету («Балет», 1866), в которых дано сатирическое описание зрителей Мариинского театра, с противопоставлением этой ослепительной картине мундиров и туалетов, осыпанных бриллиантами, мужицкого рекрутского набора, с его молчаливым горем и унылым шествием забранных мужиков под «дикие стоны волков и визгливое пенье метели». А в это время М. С. Петипа, знаменитая танцовщица, в крестьянской рубашке танцует псевдорусские пляски. И Некрасов восклицает:

«Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика».

Стихи «Памяти Асенковой» являются в русской поэзии единственными по силе негодования и скорби, вызванными той наглой «гвардионской» травлей, жертвой которой была эта удивительная актриса. Некрасов, кроме этих стихов, начал еще большую драму, в центре которой была мать актрисы, также испытывавшая на себе всю унижительность «царского внимания» и с ужасом внимающая мольбам дочери об отдаче ее в театральную школу. Она сама была в свое время известной актрисой, и Николай I завербовал ее в свой «театральный гарем», о котором с таким презрением отзывался Пушкин. Теперь она снова должна пережить этот позор уже в лице дочери, и она уговаривает ее отказаться от сцены. Напрасно! Дочь чувствует свое призвание, и мать уступает ее просьбам и отводит ее к «лицу», от которого зависит поступление ее в театральную школу. Среди бумаг Некрасова нашлись отрывки из этой задуманной драмы, некоторые из них опубликованы Корнеем Чуковским во 2-м выпуске сборников «Звенья» (1933). Асенковой же посвящены Некрасовым стихи «Прекрасная партия»; образ этой несчастной загубленной актрисы тревожил воображение поэта, писавшего о ней в 1853 г.:

«В тоске по юности моей
И в муках разрушения
Прошедших невозвратных дней,
Припоминая впечатления,
Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могил
Оплакал скорбью новой...»

Откликнулся Некрасов и на 50-летний юбилей знаменитого певца О. А. Петрова — первого Сусанина и Руслана:

«Воплощая русское искусство
В звуках жизни, правды, красоты,
Труд, любовь и творческое чувство
На алтарь его приносишь ты».

Когда надо было писать «Письмо петербургских литераторов к артисту М. С. Щепкину» по случаю его 50-летнего юбилея (1855), то И. С. Тургенев прежде всего обратился к Некрасову, о чем он пишет в письме В. П. Боткину: «Вчера Тургенев прибежал ко мне впопыхах — сочини да сочини адрес Щепкину, а он тем временем побежал скликать литераторов, чтобы подписали... Сочинил-то я что-то довольно сносное и горячее, но принял официальный характер, обрезали — и вышло что-то плосковатое». Зато на обеде в честь А. Е. Мартынова (1859), уезжавшего лечиться от чахотки на

юг, некрасовская муза была свободна, и его стихи:

«Свободную семью людей свободных
Мартынов вокруг себя в тот день соединил», —

произвели огромное впечатление. Смертельно больной артист заплакал от волнения. Все поняли намек Некрасова: только в тесном кругу писателей и артистов, без надзора царской цензуры, могли быть произнесены речи и читаны стихи, идущие от сердца к сердцу, передающие любовь писателей к воплощению их творений на сцене.

4.

Драматургическое наследие Некрасова лишь в наши дни делается известным широкому читателю, хотя и заслоняется от него неудачными домыслами комментаторов, о которых мы писали недавно на этих же страницах. Пятнадцать его произведений для сцены включают и пьесы для детей, и водевили для бенефисов, и одну мелодраму («Материнское благословение, или бедность и честь»), настолько удачно приспособленную с французского текста для русской сцены, что она вплоть до 1900-х годов удерживалась в репертуаре многих театров, преимущественно в провинции. Н. Перепельский (псевдоним Некрасова) настолько удачно дебютировал своим первым водевилем «Шила в мешке не утаишь» (24 апреля 1841 г.), что многие предрекали ему блестящую будущность водевилиста, а актеры, в том числе и В. В. Самойлов, засыпали его просьбами о пьесах для своих бенефисов. Мастерством куплета он овладел очень быстро. Приведем образец его из водевиля «Вот что значит влюбиться в актрису»:

«На сцене я для всех загадка:
Иначе действую, хожу;
Смотрю так весело, так сладко,
Что хоть кого обворожу.
Но посмотрите за кулисы,
Там изменяюсь я тотчас:
Театр, актеры и актрисы
Не то на деле, что для глаз».

И одновременно он в водевиле «Актер» дает отповедь всем тем, кто смотрит на актеров, как на фигляров и шарлатанов:

«И вот, как у нас понимают искусство,
Вот как на жрецов его люди глядят!
Ты тратишь и силы, и душу, и чувства,
За то тебя именем шута клеймят!»

Здесь нет противоречия. В первом водевиле надо было дать образ лукавой и легкомысленной комедиантки-французенки, а во втором — протест российского актера Стружкина против взглядов помещиков и чиновников на актеров, как на забавников и фигляров. И Некрасов тонко, с большим знанием сцены, строит образы своих водевилей, оставаясь и здесь тем реалистом, каким он был и в сфере поэзии.

Таковы многообразные связи Некрасова с современным ему театром. В русской поэзии он является почти единственным поэтом (кроме Пушкина), так много внимания, труда и любви отдавшим сцене и ее представителям.

М. ЗАГОРСКИЙ